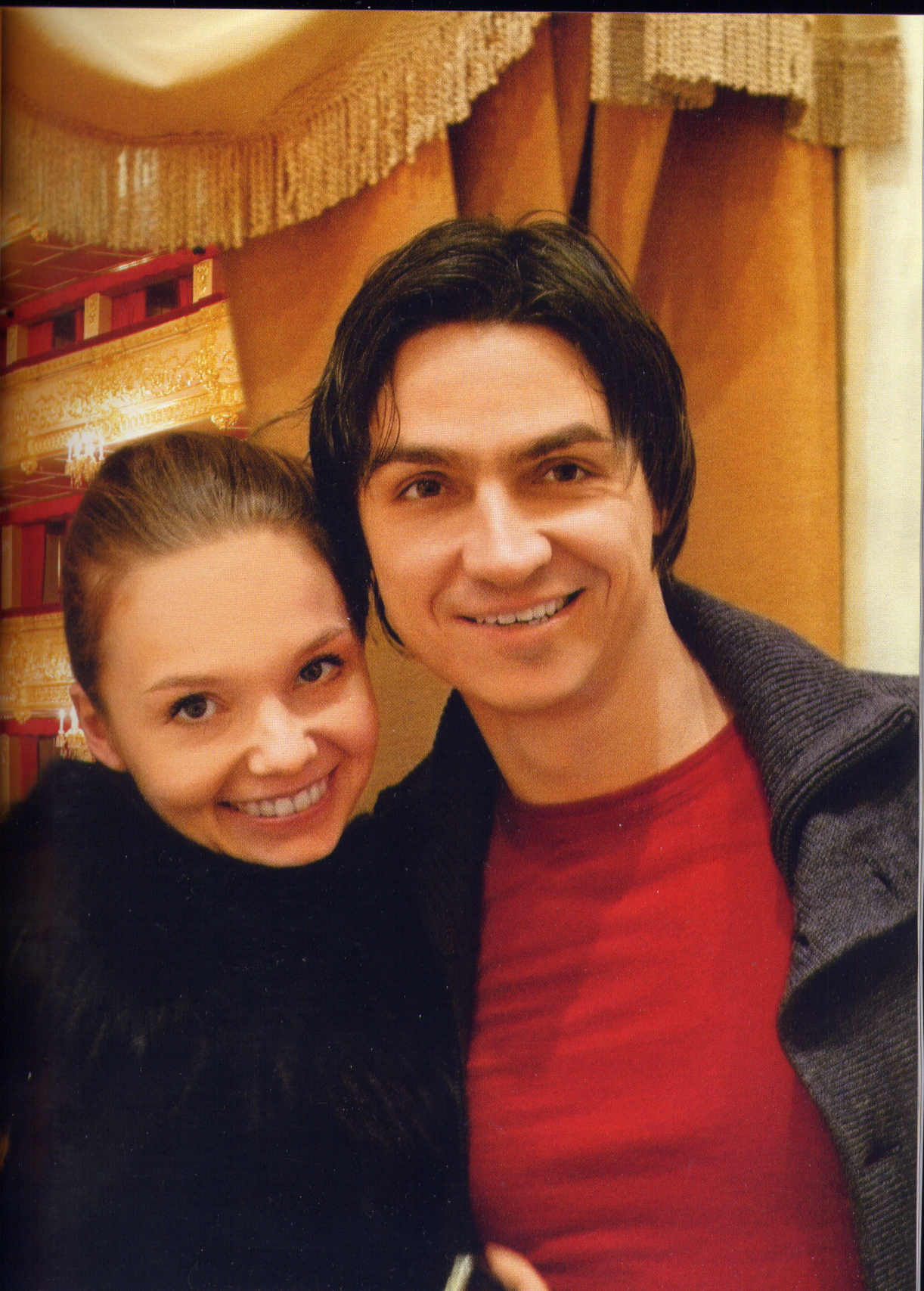

СЕРГЕЙ ФИЛИН И МАРИЯ ПРОРВИЧ

В ГОРЕ И В РАДОСТИ

История любви этих двух красивых людей была записана в месте, далеком от романтики: в клинике немецкого города Аахен, где проходит курс лечения худрук балета Большого театра Сергей Филин. Его жена Маша неотступно находится рядом после того, как вечером семнадцатого января Сергею плеснули в лицо серной кислотой...

МАРИЯ ПРОРВИЧ: «МОИ ВЕРШИНЫ»

Так случилось, что на нашем с Сережей жизненном пути время от времени возникали горы. Не фигуральные, а вполне реальные — с маяющими вершинами и крутыми склонами. Мы не обходили их стороной, и каждое

новое восхождение сближало нас еще больше.

...С макушки горы Корковадо открывался захватывающий вид на окрестности Рио-де-Жанейро и Атлантический океан. Лучи заходящего солнца оранжевым светом заливали все вокруг. Сердце за-

мирало от головокружительного восторга и какого-то совершенно нового, незнакомого до сих пор чувства.

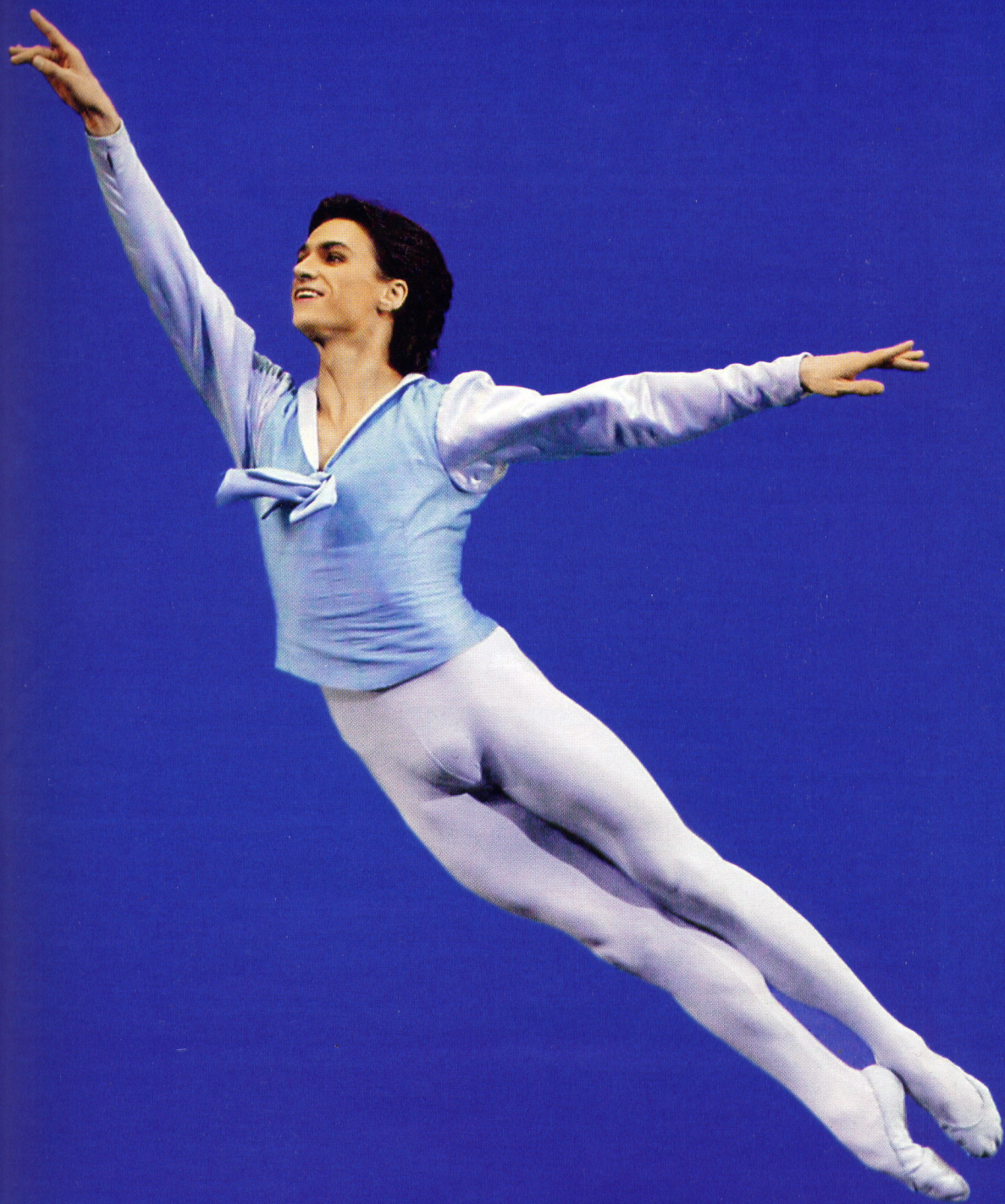
Мне всегда нравилась профессия балерины. За ощущение причастности к великому искусству, за возможность жить в одних стенах с выдаю-

Я поняла, что влюбилась. «С ума сошла! — сказала подруга. — Знаешь, сколько за ним разбитых сердец?! И потом, он ведь женат»

щимися людьми — танцовщиками, педагогами, которые приняли нас, молоденьких и неопытных, тепло и дружелюбно. Я искренне считала Большой театр своей второй семьей. А еще радовалась возможности ездить по миру, открывая для себя новые страны.

На гастроли в Бразилию отправилась спустя год после окончания Московского хореографического училища. В свободный от спектакля день мы с подругами поехали на экскурсию на Корковадо. На ее вершине, на семисотметровой высоте словно парит статуя Христа с распростертыми над миром руками. К нему туристов возят специальные вагончики фуникулера. Болтая в ожидании поезда, мы увидели приближающегося премьера Большого театра Сергея Филина: он с приятелями тоже решил совершить восхождение.

«Смотрите, какие у нас симпатичные девчонки, а какие любознательные! — воскликнул он. — Нет чтобы броситься на разграбление бразильских магазинов — тянутся к высокому!»

Конечно, я знала Сережу, но никогда раньше мне не приходилось видеть так близко его смеющиеся глаза, улыбку. Веселый и остроумный, он всю дорогу развлекал нас шутками-прибаутками. Мы в ответ лишь смеялись, робея и стесняясь держать себя на равных с признанным танцовщи-

ком. Мне казалось, что по сравнению с ним мы еще совсем дети, хотя нас разделяло не так уж и много — семь лет.

А когда спустились вниз, я поняла, что влюбилась. Вот так сразу, можно сказать — с первого взгляда. Ходила счастливая, прислушиваясь к новым радостным ощущениям в сердце, с удивлением и восторгом убеждаясь, что улыбки Сережи, его шутки теперь адресованы именно мне.

«Ты мне телефон-то свой дашь?» — подошел он ко мне в аэропорту, когда прилете-

ли в Москву. Я назвала номер, не надеясь, что запомнит, у Сергея не было ни ручки, ни блокнота, но он позвонил: «Привет! Вот и я».

«Ты сошла с ума! — сказала подруга. — Знаешь, сколько за ним числится разбитых сердец?! И потом, он ведь женат».

Супругой Сергея была солистка нашего театра Инна Петрова, у них рос сын. Но Инна была не первой его спутницей жизни. Умом я понимала, что ввязываюсь в опасную историю, но Хрис-

**Нас словно магнитом тянуло друг к другу.
И я не смогла устоять, мы стали встречаться.
Ходили в кино, рестораны, ночные клубы**

тос, который простер руки у нас над головами, словно благословил мою любовь. «Дурочка, как же тебя угораздило?!» — говорила я себе, старалась отвлечься, не думать о нем — ничего не получалось.

Сереза все чаще заговаривал со мной. Я видела, что тоже нравилось ему. Нас словно магнитом тянуло друг к другу. И я не смогла устоять, мы стали встречаться. Ходили в кино, рестораны, я пыталась затащить Сергея в ночные клу-

бы, куда иногда выбиралась с подружками, но оказалось — он не любитель подобных развлечений и там откровенно скучал.

Гораздо больше ему нравилось гулять по городу. Так в нашей жизни снова появились горы: на этот раз Воробьевы. С нежностью вспоминаю нескучные прогулки по Нескучному саду, и это не игра слов — у Серези настоящий дар рассказчика. Я узнавала про его детство, маму,

которая хитростью затащила сына в балет.

Началось с того, что лет в семь она привела Серезу в Ансамбль песни и пляски имени Локтева. Родственники надоумили, увидев, как лихо пляшет мальчик. Дело было в подмосковных Электроуглях, куда Сереза с мамой приехали на свадьбу к родне. Кульминацией торжества стали танцы под живую музыку. Заиграли цыганочку, Сереза пустился в пляс, и вскоре все гости собрались вокруг него и начали аплодировать. После этого импровизированного выступления Серезиной маме стали внушать: «Мальчику надо танцевать!» Но сам он мечтал о другом — научиться плавать. И мама повезла его якобы в бассейн Дворца пионеров на Воробьевых горах, хотя сама прекрасно знала, что бассейн уже пару лет закрыт на ремонт. Так Сереза оказался на просмотре в ансамбле Локтева. Пришла какая-то женщина, зачем-то пощупала ручки, ножки...

— Отличный мальчик, мы его берем.

— Мама, — не понял Сергей, — как она узнала, что я отличный, если даже на воде не держусь?

— У тренеров свой профессиональный взгляд, — шлаплась та.

Даня, которому сейчас шестнадцать, очень похож на отца

И тут ему выдали черные трусы и красные сапоги.

— Это что еще такое?! — возмутился Сережа.

— Понимаешь, — невинным голосом начала мама, — бассейн сейчас не работает, поэтому вы какое-то время будете заниматься в зале.

— Чем?

— Ну... перед бассейном немного потанцуете, разомнетесь.

Сережа маме безгранично верил и три раза в неделю ездил «разминаться», а в это время во дворе его напрасно искали знакомые пацаны, с которыми он играл в войнушку. Разве мог Сережа им сказать, что в это время в трусах и красных сапогах выплывает в ансамбле — засмеют! И он молчал. А когда спрашивали, куда это он постоянно

Сережа дорожил семьей, очень любил маленького Даню. «Мне хочется быть с тобой, но пойми, я не могу одним махом изменить жизнь»

исчезает, отвечал: «В бассейне плаваю».

Прошло два года. Сережу увидели педагоги из хореографического училища и сказали маме: «Вам надо привести сына к нам на вступительный конкурс».

— Мама, бассейн открывают?! — обрадовался Сережа.

— Нет, тебя зовут в балет, — на этот раз призналась мама.

— Это что, в колготках?! Даже без трусов?! Во дворе узнают, мне конец... — в ужасе выдохнул он.

Дома мама завела с сыном серьезный разговор: «У нас нет знакомых в балете. Мы простая семья. Попасть в хореографическое училище без блата невозможно, но педагоги обратили на тебя внимание. Почему бы не попробовать? Не волнуйся, все равно тебя не возьмут. А если согласишься пойти на конкурс, обещаю, что летом поедем в Николаев».

Ради такого дела стоило потерпеть. В Николаеве жили родственники, у которых бы-

ла куча детей, в играх с ними лето пролетало весело и беззаботно. И главное: там можно было научиться плавать. Южный Буг — не бассейн, его на ремонт не закроешь!

Сережа с мамой пришли в училище. От мальчиков, желающих танцевать в балете, отбою не было. Тридцать два человека на место! Конкурс выше, чем во ВГИК! Не то что сейчас, когда на двенадцать девочек в группе в лучшем случае приходится два мальчика. Понимаю родителей:

кто же отдаст ребенка в балет, наслушавшись в телевизоре стенаний Цискаридзе о тяжелой доле танцовщика...

В первом туре смотрели на физические данные. Сережу покрутили-повертели и отпустили.

— Давай подождем, — сказала мама, — сейчас выйдет тетя и скажет нам: «Спасибо, до свидания».

Мне стало казаться, что я избавилась от наваждения, излечилась от любви к женатому мужчине, который изводит себя и окружающих

Вышла эта тетя и противным голосом объявила:

— Из третьей группы прошел Сергей Филин.

В коридоре воцарилась гробовая тишина, в которой раздался полный отчаяния Сережин крик:

— Мама, ты обманула! Ты же говорила, что меня не возьмут! Скажи, что я не хочу участвовать во втором туре!

И тут такое началось! К тете стали подбегать родители:

— Мальчик не хочет! Возьмите нашего!

Дома мама принялась утешать Сережу, говоря, что не надо отчаиваться, впереди еще два тура и у него есть все шансы не поступить. Но, как нарочно, каждый раз выходила тетя с противным голосом и снова объявляла: «Прошел Сергей Филин!»

Мама сдержала слово: летом сын оторвался в Николаеве, а первого сентября пришел в хореографическое училище...

Это и моя альма-матер, я окончила училище спустя семь лет после Сережи. Поступив в Большой, перебралась от родителей, живших далеко от центра, к бабушке. Отсюда было гораздо ближе к театру.

Когда бабушки не стало, квартира перешла мне. Она и стала нашим с Сережей прибежищем, когда начали встречаться.

Мы привязывались друг к другу все сильнее, уже сказали самые главные и важные слова, но на душе было беспокойно. Сережа дорожил семьей, очень любил маленького Даню.

то искреннего чувства? Их брак был обречен еще до моего появления. Но я соглашалась уступить, отойти в сторону, чтобы дать шанс Сергею и Инне восстановить отношения. Впрочем, все мои сеансы самовнушения терпели жестокое фиаско, когда, возвращаясь из театра, я видела продетую в дверную ручку моей квартиры розу. Вдыхала ее

по пути паломников на гору Моисея, святое место, отмеченное в Библии. На ее вершине Бог вручил Моисею каменные доски — скрижали веры. Люди со всего мира вслед за Моисеем поднимаются туда, чтобы встретить рассвет, после чего по преданию Господь прощает человеку грехи. Когда я, безгрешная и уставшая после бессонной ночи,

Мы встречались, чтобы опять разойтись под гнетом обязательств перед другими людьми. Мучительно наступать на горло своей любви

— Мне хочется быть с тобой, но пойми, это трудно, я не могу одним махом изменить жизнь.

— Понимаю... — отвечала я.

В театре, конечно, уже обо всем догадались, но делали вид, что ничего не замечают. Не желая причинять боль Сережиным близким, я мучилась сама и в итоге пришла к мысли больше не видеться с ним. Это было обоюдное решение. Мы предприняли несколько попыток расстаться. Старались не пересекаться в театре, ночевать я уезжала к родителям за город, мне казалось — там будет легче переносить разлуку. Но это было иллюзией. Где бы ни находилась, жила только мыслью о Сереже. Едва удавалось убедить себя, что нельзя рушить семью, травмировать маленького ребенка, как тут же другой голос возражал: разве могут двое жить под одной крышей без любви, с ложью в сердце вмес-

аромат и чувствовала запах не цветка, а Сережиного одеколона. И все эмоции, которые подавляла, безжалостно затаптывала, вспыхивали с новой силой, и в ответ ему летела эсэмэска. Мы снова встречались, чтобы опять разойтись под гнетом обязательств перед другими людьми. Мучительно наступать на горло своей любви.

Последнее испытание было самым долгим: мы держали паузу четыре месяца. В какой-то момент даже стало казаться, что я избавилась от наваждения, излечилась от любви к женатому мужчине, который не может порвать с прежней семьей и только изводит себя и окружающих. Чтобы не провоцировать Сережу, я улетела с подругой в отпуск в Египет. Как говорится, с глаз долой...

Но, удивительное дело, на Синае меня ждало... новое восхождение. Я отправилась

спустилась к храму Святой Екатерины, расположенному у подножия Джебель Мусы, зазвонил мобильный: «Привет! Это опять я!»

Судьба подала еще один знак в намоленном, святом месте, словно благословляя нашу любовь... Вернувшись в Москву, я сразу встретилась с Сережей, и больше мы не расставались, оставив позади три года сомнений и терзаний. С той поры мы открыто наслаждались обретенной свободой и друг другом. Нас неожиданно обуяла жажда странствий: брали машину напрокат и колесили по всей Европе.

Сережа переехал жить ко мне, но официально мы так и не расписались. Сначала бесконечно тянулся мучительно трудный бракоразводный процесс, да и потом было недосуг заниматься формальностями. Дане, сыну Сережи и Инны, в тот момент исполни-

лось лет шесть или семь, не хотелось травмировать детскую психику, поэтому родители решили ничего ему не говорить. Лишь со временем папа и мама попытались объяснить мальчику ситуацию. И все равно — пять лет он не переступал порог нашего дома. Впервые пришел, когда

нашему с Сергеем старшему сыну исполнилось два года.

О том, что жду ребенка, я узнала лишь на четвертом месяце беременности. Танцевала, гастролировала, и вдруг — что-то не то. Купленная в аптеке полоска подтвердила подозрения, но я, сама не знаю почему, не могла поверить.

— Может тест ошибаться? — позвонила подруге.

— Ты что, дуручка?!

Вечером Сергея, вернувшегося из театра, ждало известие:

— У нас будет ребенок...

Глаза его округлились.

— Правда?! Так это же здорово!

Когда я видела продетую в дверную ручку моей квартиры розу, эмоции вспыхивали с новой силой и в ответ Сергею летела эсэмэска

Будучи папой со стажем, он со знанием дела меня консультировал: «Так, чего тебе хочется? Мяса? Красного вина? Значит, у нас будет мальчик!», «В «Макдоналдс»? Без всяких сомнений — мальчик!»

Чувствовала я себя прекрасно и еще месяц танцевала, даже съездила на гастроли и в отпуск на море в компании с мужем и его сестрой Леной, которая с самого начала очень тепло приняла меня. К врачу первый раз пришла на шестом месяце, вызвав настоящий переполох в поликлинике. Саша не спешил появляться на свет. Все сроки уже вышли, впереди маячила перспектива встретить Новый год в палате родильного дома, и врач в приказном порядке велел мне рожать. Накануне провели с Сережей фотосессию. Знакомая девочка-фотограф предложила поснимать нас в студии, и мы подумали: почему бы и нет? До ночи я позировала с животом в балетной

пачке, а утром отправилась в роддом.

Сереза с самого начала сказал, что хочет присутствовать при родах, и не отступил. В кульминационные моменты я гнала его прочь, но Сергей не уходил, держал руку у меня на лбу. Рука тряслась, ноги, думаю, тоже, но он мужественно все выдержал, выдохнув в финале: «У-у-у-ф-ф! Как будто сам рожал!» В награду первым получил ребенка из рук врача.

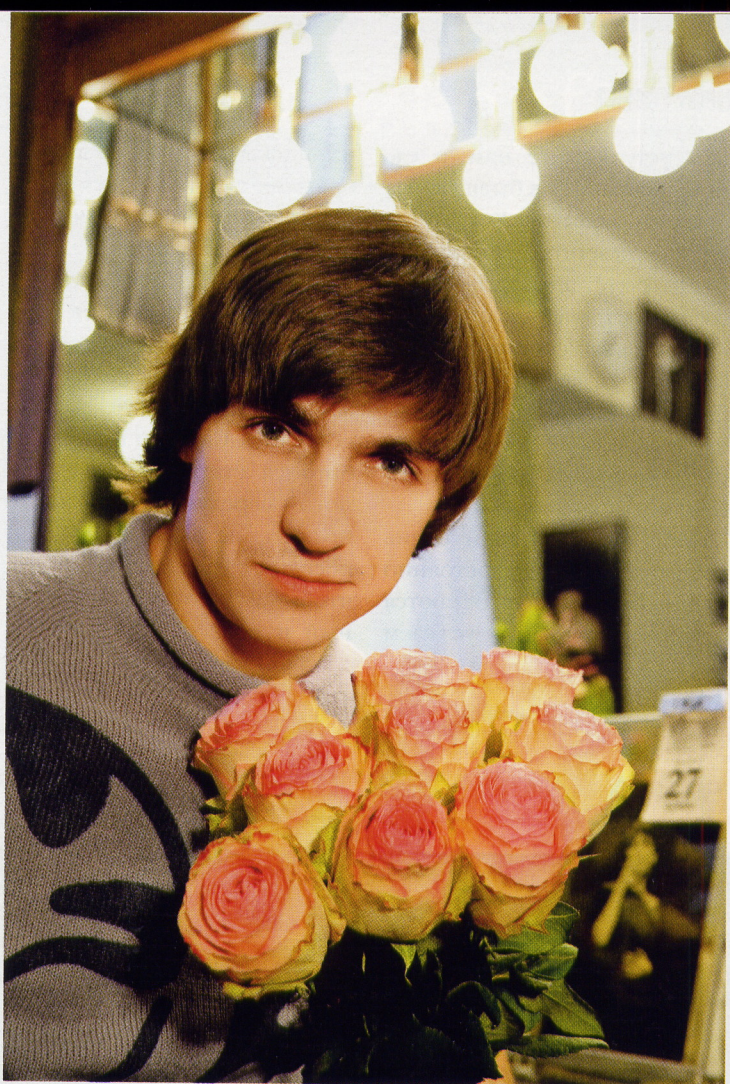
Встал вопрос, как назвать сына. Имя Александр было одним из фаворитов в нашем внутрисемейном конкурсе. Одержав победу ему помогли весы, на которых взвешивают новорожденных. Приглядевшись, я разобрала на них надпись «Саша». Потом оказалось, что в роддоме есть еще вторые весы — с наклейкой «Маша». Так сказать, девичий вариант.

— Может, все-таки Сереза? — на всякий случай уточнил муж.

— Серезей назовем следующего.

На том и порешили.

Когда Сашке исполнилось два, Инна разрешила Дане прийти к нам в гости. Он вошел настороженный и молчаливый, но малыш встретил старшего братика такими искренними объятиями, что лед отчуждения был растоплен. Не знаю, какие чувства Данила испытывал ко мне поначалу, но в итоге нам, кажется, удалось стать друзьями.

Саша у нас мамин сын и больше похож на меня, а вот Сереза, родившийся спустя три года после брата, весь в отца — Сереза Филин номер два.

— Может, все-таки девочка? — с надеждой спросил муж, когда сообщила, что у нас опять будет ребенок.

— Не надейся, — уверенно ответила я. — Лучше веди меня в «Макдоналдс».

— Ну ладно, будем растить футбольную команду.

Все свободное время Сереза тратит на детей, возится с

ними без усталости. Он добрый и нетребовательный папа, наверное потому, что побыть с мальчишками ему удастся не так уж и часто. Понимаю его, поскольку сама тоже пропадаю на работе. После декретных отпусков я вернулась в театр. Не смогла бы этого сделать, если бы не поддержка моей мамы. Родители в какой-то момент решили переехать из Подмоскovie в столицу и купили квартиру в доме Большого театра на Троицкой улице. Узнав, что я беременна,

они уступили ее нам, а сами перебрались в бывшую бабушкину квартиру. Когда же я родила второго малыша, мы сняли родителям квартиру в соседнем с нашим подъезде, чтобы было сподручней заботиться о детях. Если мы с Сережей начинаем говорить, что хотим родить еще девочку, мама в ужасе восклицает: «Это без меня!»

Мои мама с папой очень выручают нас, оба постоянно рядом, без вопросов остаются с мальчиками, когда уезжаем

из Москвы. Но я так люблю брать их с собой! Беременная Сережей, поехала с трехлетним Сашей за мужем на гастроли, а когда Сашке было семь месяцев, потащила его в Лондон. «Куда такого маленького?! — хваталась за голову мама. — Не дай бог что!» Но все обошлось. Саша до школы собирался стать танцовщиком, потом передумал. Ему больше нравится петь в ансамбле «Непоседы». Муж очень хотел, чтобы младший — пластичный и подвижный — танце-

вал. Но после того, что случилось, Сергей сказал: «Знаешь, я против, чтобы наши дети имели хоть какое-то отношение к балету».

Сегодня трудно представить родителей, которые добровольно отдадут ребенка туда, где происходят такие страшные вещи... Раньше я скептически относилась к слухам и сплетням о Большом. Меня никогда не зазывали в бордель, как об этом в красках рассказывает с телеэкрана Анастасия Волочкова: яко-

Знакомая девочка предложила поснимать нас в студии. До ночи я позировала с животом в балетной пачке, а утром отправилась в роддом

бы артисток балета используют для эскорт-сервиса, чуть ли не как «девочек по вызову». Да, приемы после спектаклей, куда приглашают симпатичных девушек для создания приятной атмосферы, случались. После них все расходилось в разные стороны, не припоминаю, чтобы кого-то силком тащили в постель.

Театральной площади перед задрапированным в строительные леса зданием, где продолжался растянувшийся на долгие годы ремонт, и Сергей, волнуясь, говорил: «Представляешь? Это же Большой театр! И мне дают шанс вписать свою страницу в его историю!»

Нам даже в кошмаре не могло привидеться, что кто-то

мал, какими премьерами порадовать зрителя, кого из ведущих мировых хореографов пригласить. Он хотел, чтобы лучшие на сегодняшний день постановщики работали в Большом. Многие знаменитости — российские и зарубежные — откликнулись на его предложения. За неполных два года Филин успел сделать очень много.

«Чего тебе хочется? — спрашивал Сергей. — Мяса? Красного вина? У нас будет мальчик! В «Макдоналдс»? Без сомнений — мальчик!»

Но происшедшее с Сережей открыло мне другую сторону театральной жизни...

Муж собирался продолжать карьеру солиста, когда пять лет назад ему предложили возглавить балетную труппу Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Он долго обдумывал этот шаг, сомневался: нелегко уйти со сцены, когда посвятил танцу всю жизнь. Столь же непросто спустя три года ему удалось возвращение в Большой на должность художественного руководителя балетной труппы. Жаль было покидать «Стасик», где Сергея замечательно приняли и артисты, и руководство, где он многое успел сделать и многое планировал. Но Большой оставался ему родным, можно сказать, он там вырос. Сергею даже до конца не верилось, что именно его зовут возглавить труппу, что это не шутка, не розыгрыш. Помню, мы стояли на

захочет искорежить эту страницу самым изувекским, бесчеловечным образом.

Когда Сереже надо подумать, он садится за руль и едет на дачу, чтобы наедине с собой взвесить «за» и «против». В итоге решение было принято в пользу Большого, несмотря на то, что некоторые наши друзья сочли нужным предупредить Сергея: «Тебя там сожрут!»

После назначения Сережи я всерьез задумалась, не нужно ли мне уйти из театра. Но потом все же решила, что трезво оцениваю свои возможности и понимаю, что могла бы станцевать, а за что ни при каких обстоятельствах не возьмусь, даже если муж — худрук. В итоге осталась.

Мне казалось, что приняли Сергея тепло, многие подходили, говорили хорошие слова, поздравляли. Филин — современный, креативный руководитель, он строил планы на несколько сезонов вперед, ду-

Незадолго до Нового года я стала замечать, что Сергей возвращается из театра в плохом настроении. «Невозможно работать! — отвечал он на мои расспросы. — Вместо того чтобы помогать, кое-кто так и норовит подставить подножку. Стараюсь со всеми найти общий язык, вникнуть в проблемы, помочь, а они воспринимают это как должное и смотрят волком».

Танцовщика Павла Дмитриченко Сережа сделал сначала первым, потом ведущим солистом. Но тому оказалось мало. Вспыльчивый и грубый, он постоянно пытался доказать какую-то одному ему известную правду. Дмитриченко из тех людей, кто вечно всем недоволен. Сергей рассказывал, что тот постоянно приходил к нему в кабинет с претензиями, выливая на худрука море негатива. Павел видел себя на высшей ступени балетной карьеры — премьером, а свою по-

другу — молодую танцовщицу Анжелину Воронцову, которую, кстати, именно Сергей пригласил в Москву из Воронежа, — хотел сделать примой.

— Сразу так не бывает, — сказал ему Сергей.

— У вас не бывает, а у меня будет, — ответил Дмитриченко.

О ком бы ни заговорили, все у Павла были уродами.

стенку». Тем не менее Лина нашла в себе силы заговорить, когда пришла к Сергею требовать партию Одетты — Одилии в «Лебедином озере». «Лина, вы — солистка, а у нас танцуют двенадцать прим-балерин, которые ждут этот спектакль. Я должен обделить их, чтобы удовлетворить вашу просьбу? Пока совершенно очевидно, что вы не готовы к

всю жизнь и репетировал по ночам?..

Наверное, я всегда стараюсь думать о людях лучше, чем они того заслуживают. Никогда не видела в отношениях Сергея и Коли ничего кроме здоровой конкуренции, которая свойственна всем ведущим танцовщикам. Два премьеры даже делили одну гри-мерку, иногда подшучивая на

Никто не ждал чего-то из ряда вон выходящего. И мне тоже ни разу не приходило в голову, что Сергею угрожает реальная опасность

После слов Юрия Григоровича, что он — лучший исполнитель партии Ивана Грозного, Дмитриченко возомнил себя великим.

В свое время Воронцова и ее мама были счастливы, что Сергей позвал Лину солисткой в Театр имени Станиславского и Немировича-Данченко, благодарили его. Но потом девушка получила предложение работать в Большом. Поступила она, прямо скажем, некрасиво: собралась уволиться, не поговорив с Филиным. Когда все открылось, Сергей сам подошел к ней с вопросом, но она грубо ответила: «Что я должна вам объяснять?!»

После возвращения Сережи в Большой Воронцова проходила мимо не здороваясь. «Странно, — говорил шокированный таким поведением Сергей, — я худрук, а балерина идет и делает вид, будто не замечает меня, смотрит как на

этой партии. Попробуйте подготовить ее с педагогом-женщиной».

Анжелина занималась с Цискаридзе, и оба, учитель и ученица, восприняли предложение Сергея как выпад в адрес Николая. «Она, между прочим, записала этот разговор на диктофон», — сказал Коля Сергею, словно там таился какой-то компромат.

Я с позиции балерины, а не супруги, полностью солидарна с худруком. Ведь он не призывал Лину уйти от Цискаридзе, хоть они именно так и преподнесли всем этот разговор. Сергей пытался объяснить Воронцовой, что лишь опытная балерина, сама станцевавшая партию, в состоянии помочь уловить все тонкости танца. Благодаря такому подходу в Большом сохраняется преемственность поколений. А Коля никогда не танцевал ни Одетту, ни Одилию. Не знаю, может, он мечтал об этом

тему нетрадиционных отношений. Сергей рассказывал, что Коля каждый раз, когда он выходил из душа, обернутый полотенцем, говорил: «Давай сыграем красивую свадьбу и пригласим на нее Элтона Джона!»

И вот Сережа получил должность, а Коля, как всем давно известно, очень хочет быть руководителем и только в Большом театре. Их отношения стали портиться на глазах.

«Мне надо отдохнуть, — сказал Сергей незадолго до Нового года. — Может, стоит взять отпуск за свой счет?»

После «Щелкунчика», сыгранного тридцать первого декабря, он приехал на дачу и положил на стол два своих мобильных. Они трезвонили наперебой. «Не знаю, что с этим делать, — сказал Сергей, — орут не переставая». Я взяла трубку и услышала короткие гудки, но едва нажала на клавишу от-

боя, снова раздался звонок. «Меня предупредили, чтобы ждал подарка на Новый год. Видимо, это он и есть», — ска-

зал Сергей и отключил телефоны. Как только пробовал включать, тут же раздавался трезвон. Дурдом продолжался

до десятого января, пока после каникул не вышла на работу служба безопасности телефонной компании.

бинска. А в январе от имени худрука балета Большого в «Фейсбуке» открылась страница, где были выложены похищенные письма, переписанные таким образом, чтобы скомпрометировать Сергея в глазах руководства театра. Ни разу не слышала, чтобы Филин так выражался, как в этих посланиях! Но общая реакция, видимо, не оправдала ожиданий авторов очередной пакости. Реакции попросту не было. Мне показалось, что никто даже не прочитал эти фальшивки: у артистов много работы, нет времени отвлекаться на глупости.

Единственный, кто отреагировал бурно и пронзительно, был Николай Цискаридзе. Заняв выгодную позицию между дверями канцелярии и туалетами, он взывал к проходившим: «Вы читали?! Вы слышали?! У Филина, оказывается, и тот плохой, и этот. Мне пришлось потратить ночь, чтобы зарегистрироваться и прочесть, что мы — хорьки!»

По-моему, вся грязь, которая выливалась в последнее время и на Сергея, и на те-

невыносимо тяжело осваивать балетную профессию, он — жертва, принесенная на алтарь искусства, а кроме того, единственный великий танцор в Большом театре, да и во всей России. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно в итоге.

Мы связались с администрацией «Фейсбука», и страницу закрыли. Но на ее месте открылась следующая, от имени помощницы Сергея — Диляры. Сочинения неизвестного автора перекочевали туда. Мы закрыли и этот ресурс и открыли Сергею настоящий, чтобы проще было бороться с самозванцами.

В другой раз в кабинет к Филину пришла девушка с глубоким, до отказа заполненным декольте и расположила свои богатства на столе, недвусмысленно дав понять, зачем явилась. Видимо в надежде, что Филин соблазнится и с ним можно будет поступить как с предыдущим претендентом на место худрука — Геннадием Яниным. Его удалось дискредитировать выброшенным в Ин-

Серезжа многое переосмыслил. Раньше он жил работой, а теперь говорит: главная цель жизни — вернуть зрение, чтобы видеть, как растут его дети

Следующей неприятностью стала история с электронной почтой Сергея. Ее вскрыл еще летом некий умелец из Челя-

атр, исходила от этого человека. Читать его слова было противно и обидно. Послушать, так одному Коле было

тернет компроматом с «клубничкой».

«Не нравится мне это...» — не раз повторял Сергей. Он

сходил к директору Большого Анатолию Иксанову, описал события последних недель. «Что делать? — ответил тот. — Такая у нас работа, я сам уже двенадцать лет живу как на передовой. Желających занять наши должности много. Крепись!»

Никто не ждал чего-то из ряда вон выходящего. И мне тоже ни разу не приходило в

должен был вернуться позже — его пригласили на мероприятие в МХТ, посвященное юбилею Станиславского. По дороге домой он подвез балерину Ольгу Смирнову. Детки уже уснули, на столе ждал ужин.

В одиннадцать с минутами зазвонил домашний телефон. Это был Володя — охранник с парковки возле дома. Он не

ра. Губы у меня стало жечь — на них попала кислота.

«Я умывался снегом, — пытался объяснить мне Сережа. Он был в шоковом состоянии. — Что со мной? Что-то ужасное? У меня на лице ничего не осталось?! Череп виден? Отведи меня домой, давай что-нибудь сделаем». Все мы хотя бы раз смотрели фильм ужасов, где показывают, как под

Сергей принял решение в пользу Большого, несмотря на то, что некоторые наши друзья сочли нужным предупредить: «Тебя там сожрут!»

голову, что Сергеем угрожает реальная опасность. Работая в одном с ним театре, я не чувствовала никаких негативных флюидов. Люди, с которыми общаюсь, с удовольствием делали свою работу, им было интересно заниматься искусством, готовить премьеры, а не сплетничать. Не было видимых глазу конфликтов и ссор, никаких предостерегающих знаков. Все как всегда. Возможно, я пропустила что-то необычное, слишком погрузившись в работу, дом и детей?

— А если тебе взять водителя? Все будешь не один, — как-то предложила Сергеем, видя, что он по-прежнему напряжен.

— Да ладно! — отмахнулся муж, сочтя эту меру чрезвычайной.

А семнадцатого января случилось то, что случилось.

В тот вечер я, станцевав первый акт «Лебединого озера», приехала домой. Сережа

говорил, кричал в трубку: «Маша! Скорее сюда! Сергея облили кислотой! Он у меня! Беги-те быстрее!»

Мне все время кажется, что в тот момент я заснула и до сих пор не могу проснуться, не в силах вырваться из мучительного кошмара. Не представляя, что меня ждет, выбежала из квартиры, по дороге набрала телефон родителей и, пересказав им слова охранника, попросила прийти к нам, побыть с детьми.

Я влетела в будку охранника. Лицо у Сережи было опухшее, красное, с островками каких-то странных белых вкраплений, словно ошпаренное. А глаза... Его глаза, в которые я всегда так любила вглядываться, смотрели куда-то мимо меня. Я поняла, что он не видит. Не помня себя, бросилась обнимать и целовать мужа. «Отведи меня домой», — просил Сергей. Его знобило, трясло от холода и пережитого кошма-

воздействием кислоты расплзается плоть человека и обнажаются кости. Вот и Сергеем казалось, что с ним происходит нечто подобное.

Мы с Володей повели его домой. По дороге я звонила в «скорую».

— Какой номер набирать?! — вечно пугаю телефоны служб спасения.

— Ноль-три, — подсказал охранник.

«Пока мы едем, пусть смывает водой!» — сказала врач. Дома я сняла с Сережи верхнюю одежду и повела в ванную, рубашка по вороту вся обесцветилась, молния на куртке рассыпалась на мелкие металлические крючочки, сумка покрылась белесыми пятнами. «Только бы не проснулись дети! — мелькнула мысль. — Не дай бог, увидят этот ужас!»

К нам приехали сразу две «неотложки» — кроме меня в «03» позвонили родители.

Даня с младшими братьями Сашей и Сереей

Теперь дети без напоминаний делают зарядку, отжимаются, пытаются освоить боевые приемы: «Мы сможем защитить себя и тебя с папой»

Врачи связались с диспетчерской и решили везти Сереежу в 36-ю больницу.

Пока ехали, я пыталась сообщить знакомым и руководству театра, что случилось, но телефон, как нарочно, предательски отказывался работать. Мистика какая-то! Выйти на связь я смогла только с помощью Интернета.

Дежурные врачи сработали очень оперативно и профессионально. Немецкие специалисты впоследствии по достоинству оценили все, что они сделали, спасая Сереежу зрение.

Этой же ночью в больницу стали приезжать друзья и знакомые. В палату допустили лишь одного челове-

ка, представившегося следователем и предъявившего соответствующие корочки. Он задавал Серееже вопросы, а потом запись этого разговора мы увидели по телевидению, будто Сергей дает интервью, а не показания. Вероятно, этот негодяй снимал из-под полы на мобильный телефон...

Хореограф Юрий Григорович и худрук Сергей Филин с артистами балетной труппы после премьеры «Спящей красавицы»

В больнице, немного придя в себя, Сережа отказывался поверить, что с ним произошло такое. Поначалу, когда промыли глаза, он еще что-то видел и надеялся, что врачи ошибаются в прогнозах. Они предупредили, что химический ожог — коварная штука и, попав на слизистую, кислота продолжает разрушительное действие, несмотря на принятые меры.

Сережа снова и снова возвращался в тот вечер, восстанавливая в памяти события: «На улице было так хорошо,

тихо, с неба падали хлопья снега. Я шел по пустой улице, вокруг ни души, все бело, красота. И чем все это обернулось...»

Чтобы попасть в наш подъезд, нужно сначала пройти через калитку, закрывающуюся кодовым замком. Сережа не смог с первого раза открыть дверь и тут спиной почувствовал приближение человека. «По мою душу», — почему-то сразу подумал он. Обернулся и увидел мужчину, держащего руку за спи-

ной. «Стрелять будет», — мелькнуло в голове. Мужчина резко выбросил руку вперед, и глаза словно обожгло... «Тебе привет!» — крикнул он.

Ослепший, испытывая дикую боль, Сережа пошел практически наугад к будке охранника, единственного человека, который в ту позднюю пору был рядом. Проходя мимо других подъездов, стучал в двери изо всех сил, кричал, звал на помощь в надежде, что консьержки услышат и откроют. Он в кровь разбил руки,

но тшечно. Может, кто-то и услышал его, но открыть побоялись. Телефон — полезная вещь, когда видишь, куда нажимать. Но у айфона нет клавиш, аппарат выскользнул из мокрых от снега рук Сережи и утонул в сугробе, чтобы пропасть навсегда.

«Я думал, что умираю, — рассказывал Сергей. — Когда добрался до будки охранныка,

Саше наверняка одноклассники все быстро растолкуют. Поэтому я решила сказать сама: «В жизни встречаются очень плохие люди, бандиты. Они плеснули папе кислотой в лицо, и теперь у него очень болят глазки, папа должен лечить их в больнице».

Когда мальчиков привели в палату, младший, увидев забинтованного Сергея, буквально

освоить боевые приемы. Говорят: «Мы станем сильными и сможем защитить себя и тебя с папой».

Бабушка была в шоке, когда увидела, во что теперь играют внуки. «Ты как будто бандит, а я — папа. Ты попытаешься облить меня кислотой, — говорит старший младшему, — а я буду с тобой драться и одержу победу». Это

Артисты люди трепетные. Они не хотят верить, что человек, с которым они работали бок о бок, может оказаться преступником

сразу попросил Володю: «Позови Машу!» Я хотел умереть у тебя на руках, успеть тебя увидеть». Володя позвонил мне, а сам принялся оттирать Сергея снегом...

Детям мы сказали, что папа плохо себя почувствовал и его увезли в больницу. Но рано или поздно правду объявить пришлось бы. О происшедшем сообщали в каждом выпуске новостей, да и в школе

но остолбенел. Старший еле сдержался, чтобы не расплакаться. Он растерянно сел рядом с папой и не знал, что делать. Раньше Саша мало говорил ласковых слов Сереже, все больше льнул ко мне. А сейчас все время повторяет: «Папочка, я тебя люблю».

После случившегося дети по утрам без напоминаний делают зарядку, отжимаются, качают пресс и даже пытаются

ужасно! Ничто не проходит бесследно даже в таком нежном возрасте.

Люди, совершившие это изуверство, для меня даже не звери, а твари. Наказание для них должно быть максимально возможным. Если бы я тогда знала, кто это преступление заказал, и встретила его в театре, не представляю, что бы с ним сделала. Любая расплата для этих подонков не

РЕКЛАМА

ТКАНИ *Life Style* от дизайнеров

WESTMINSTER
FIBERS
Lifestyle Fabrics

Free Spirit

натуральный хлопок, декосатин, ламинат, батист

ЯРКИМ! СТИЛЬНЫМ! ПОЗИТИВНЫМ!

МОСКВА: Зеленоград, тел. (499) 504-15-84
м. "Семеновская", Буденного 9, (499) 785-36-39
м. "Таганская", ул. Таганская 31/22, (926) 779-96-70
м. Вднх, 1-Останкинская 53, (495) 926-88-64
ИРКУТСК: Кооперативн. пер. 2, (3952) 243-240

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: пл. Ленина, (812) 541-81-92
НОВОСИБИРСК: «ЛОГОС» • Красный проспект 153/1
• Карла Маркса 47/2 • Б. Богаткова 239, (383) 315-38-50
КРАСНОЯРСК: Дик. Пролетариата 42, (391) 265-14-99
Ваш город? Будьте первым!

Таких тканей Вы точно не видели!

www.tkani-lifestyle.ru

Каталог,
идеи на сайте

ОТЛИЧНАЯ БИЗНЕС ИДЕЯ

была бы слишком жестокой. Сережа мог подозревать вероятных заказчиков, но однозначно назвать имена — нет. Страшно представить, что твои знакомые способны на злодейство. До сих пор все это с трудом укладывается у меня в голове.

Первые операции Сергею провели в Москве. А потом мы отправились в Германию, в

рил священнослужитель: «Вы за Сергея? За Филина? Не представляете, сколько народу молится за него и желает скорейшего выздоровления». Прима Большого Света Захарова вышла после «Баядерки» к зрителям и сказала, что этот спектакль балетная группа посвящает Сергею Филину. Трогательно и приятно, спасибо ей большое.

Сергею сохранять оптимизм и по-прежнему шутить, даже оказавшись в такой запредельной ситуации. Все врачи отмечают его удивительный моральный настрой — на победу. Благодаря ему лечение продвигается гораздо быстрее. На больничной койке Сереже пришлось переосмыслить некоторые ценности. Раньше он жил рабо-

Даже в этой запредельной ситуации Сережа продолжает шутить. Все врачи отмечают его удивительный моральный настрой — на победу

клинику Аахена. Сережа перенес уже двенадцать операций под общим наркозом. И все это время врачи спасают ему левый глаз. За правый по-настоящему еще не принимались, он защищен специальной мембраной.

Наши дети остались в Москве, мы каждый день созваниваемся. «Привет, мам! Как папа? Как папины глазки?» — с этой фразы всегда начинается разговор младший. У меня наворачиваются слезы. Сережа пытается шутить: «Да ведь у нас с тобой второй медовый месяц! Когда еще представится возможность побыть так долго вдвоем?»

Периодически меня сменяет Сережина сестра — Лена, их отношения с братом я всегда ставлю в пример своим мальчишкам. Мужа поддерживает огромное число людей. Звонят со всего мира. С моей мамой, ходившей ставить за Сережу свечку в храм, разгово-

Знаю, что триста человек поставили подписи под письмом в поддержку обвиняемого в организации преступления Павла Дмитриченко. Именно он, по версии следствия, нанял уголовного разобраты с Сергеем. Отморозок, отсидевший семь лет в тюрьме, плеснул моему мужу в лицо кислотой. Мне кажется, письмо появилось по одной причине: коллеги не хотят верить в то, что человек, с которым они работали бок о бок, может оказаться преступником. Артисты люди трепетные. Они не против Сергея Юрьевича Филина, но они поддаются эмоциям. Возможно, их впечатляют фильмы и книги об отечественной правоохранительной системе, когда признательные показания даются исключительно под воздействием пыток.

Стороннему наблюдателю вряд ли заметно, чего стоит

той, а теперь говорит: главная цель жизни — вернуть зрение, чтобы видеть, как растут его дети. Тем не менее он не собирается уходить из Большого. Сергей получил несколько писем, в которых ему предлагали бросить театр, уехать из России: мол, давай к нам, у нас все хорошо. Но он считает, что уйти сейчас — не по-мужски.

«Пока даже не представляю себе, как после всего, что случилось, войду в калитку, ведущую к нашему дому», — говорит Сергей.

Да, я боюсь за него, ведь люди, замыслившие убить, напугать Сергея Филина, не добились своего, но понимаю и принимаю его настрой. Я всегда буду рядом, какое бы решение он ни принял. А пока самое главное, чтобы к Сереже вернулось зрение. Шаг за шагом он поднимается вверх, к выздоровлению. Верю, вместе мы покорим и эту вершину.